

Возникнув на базе педагогического института 75 лет назад, Тюменский университет далеко не сразу обнаружил причастность к европейским студиям: первые специалисты по истории Европы различных периодов появились только в середине 50-х гг. XX в., но лишь в конце столетия в вузе утвердились первые доктора наук, ставшие лидерами в различных направлениях европейских исследований.

До известной степени спектр исследовательских поисков в данной области отражает тематика защищенных в стенах Тюменского университета кандидатских и докторских диссертаций за последние пять лет.

Поздней античности и раннему средневековью оказалась посвящена кандидатская диссертация В.В. Яковлева¹, в которой предпринята попытка проанализировать описания знамений в позднеантичных анналах и ранне-средневековых латинских хрониках. Знамения занимали одно из центральных мест в античных и средневековых нарративах — любое событие, любой более или менее значительный факт предварялись указанием на какое-либо необычное явление; однако в позитивистски ориентированной историографии им отказывалось в значимости как нереальным, вымышленным, *posteriori* приписанным анналистами ради морально-назидательного оправдания или осуждения поступков героев или антигероев; в модернистской историографии им стал придаваться формализованный, жанрово-центонный смысл, служащий членению речевого потока, акцентированию внимания и т.п. Автором был прежде всего предпринят анализ терминологии знамений, обнаружено многообразие понятий, их спецификация — *signum*, *prodigium*,

portentum, *praesagium*, *auspiciu*; предложена типология знамений: выявлены знамения физического порядка (астрофизические, атмосферные, геомагнитические), метафизического порядка (визионерские, мистико-экстатические); рассмотрены принципы и правила фиксации знамений хронистами, осуществлена попытка дешифровки знаменной знаковости. Исследователем выявлен ряд знамений (в особенности на материале «Истории лангобардов» Павла Диакона), предполагавших языческую практику гаданий по внутренностям жертвенного животного, которая не исчезала даже с утверждением христианства.

Медиевистская тематика с акцентом в полонистику получила реализацию в докторской диссертации С.С. Пашина², посвященной историко-генеалогическому исследованию Перемышльской шляхты XIV–XVI вв. На основе изучения протоколов городской и земской судебных курий Львова, частно- и публично-правовых актов исследователем дана достаточно широкая панорама развития шляхетства Перемышльщины на протяжении 7–8 поколений. Ученым выявлены явления демографической стагнации в регионе: вырождение и исчезновение целого ряда родов нейтрализовалось миграционными процессами, переселением ляхов, венгров и волохов. Основной поток мигрантов направлялся из Малой Польши, и его оптимум приходился на 80-е гг. XIV — 10-е гг. XV вв. Как раз эта волна переселений оказала определяющее воздействие на образование шляхетства в Перемышльском и Переворесском поветах; здесь шляхтичи русского происхождения оказались с минаритетом, утрачивавшим связь с православной церковью. Напротив, в Карпатских предго-

¹ Яковлев В.В. Раннесредневековые знамения как знаки сакрального времени: Историко-культурологический анализ: Автореф. дис. ... канд. культурол. Тюмень, 2000. 22 с.

² Пашин С.С. Перемышльская шляхта второй половины XIV–XVI века: (Историко-генеалогическое исследование): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Тюмень, 2002. 48 с.

рхья русская шляхта оказалась более сильной и устойчивой; волошские переселенцы здесь испытывали интенсивное обрусение, принимая православие. Процесс формирования Пермьшляхского шляхетства завершился к 30-м гг. XV в. За 70 лет введения польского права в этом регионе появилось не более 25–30 новых родов. Причем основным способом их утверждения было отнюдь не королевское пожалование, но приобретение земель в частную собственность. В экономической сфере отмечается разорение шляхетских сел, особенно в Стрыйском повете, что до определенной степени может быть связано с влиянием татарско-турецкой комбатации.

Ренессансоведение нашло отражение в кандидатской диссертации А.К. Матюкова³, которым был изучен историографический опыт изучения итальянского гуманизма в России, начиная с 30-х гг. XIX в. до конца XX в. Начало российского ренессансоведения связывается им с научной деятельностью профессора Московского университета Т.Н. Грановского и его ближайшего ученика П.Н. Кудрявцева, опубликовавшего первые специальные статьи по итальянскому Возрождению, в частности о Данте и Медичи. Дальнейшему формированию нового научного направления содействовали труды А.Н. Веселовского и В.И. Герье, начавших активно публиковаться с середины 60-х гг. XIX в., в том числе на Западе. Именно Веселовскому, обнаружившему ряд неизданных ренессансных рукописей в архивах Италии, принадлежит заслуга обоснования первой концепции гуманистической идеологии Возрождения. Их продолжатель, М.С. Корелин, ученик Герье, увидел сущность идеологии гуманизма не столько в индивидуализме, как считали все совре-

менные ему историки Западной Европы, сколько в преодолении средневековых форм мировоззрения. Для дореволюционной ренессансоведческой традиции было свойственно активное общение с Западом, усвоение концептов и терминологии виднейших авторитетов в этой области знания — француза Ж. Мишле, швейцарца Я. Буркхардта, немца Г. Фойгта. В постреволюционную эпоху, несмотря на определяющее воздействие экономоцентризма и классовой теории на все построения концепций Возрождения, намечалось формирование ренессансоведческих школ на периферии, за пределами Москвы и Санкт-Петербурга, прежде всего в Саратове, Иваново, позднее в Ставрополе и Краснодаре. В работе выявлены специфика этих школ, репертуар исследований, собственных серийных и периодических изданий, достижения их представителей и прочие схоластические параметры.

Урбанистическая проблематика представлена работами Д.А. Гоголева⁴ о ранневизантийских городах и крепостях и саратовской исследовательницы Е.Ю. Полховской⁵ о развитии российской медиэвистической урбанистики. Д.А. Гоголев сосредоточил все внимание на периоде «темных веков», чаще всего оцениваемом как период упадка городского развития на Балканах и в Причерноморье. Автором показано, что состояние городской жизни в этот период сильно различалось в западных и восточных провинциях Византии: если на Западе имело место сокращение общего числа городов почти в 3 раза, то на Востоке наблюдалось образование новых городских центров, изменение функций старых урбанистических поселений, что заставляет говорить не столько о дезурбанизации, сколько о модифицировании муниципальной системы.

³ Матюков А.К. Отечественная историография итальянского гуманизма (1830-е гг. — конец XX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2002. 24 с.

⁴ Гоголев Д.А. Города и крепости Византии в VII — первой половине IX вв.: Эволюция и функции: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2002. 28 с.

⁵ Полховская Е.Ю. Основные теоретические и методологические подходы к истории европейского города в отечественной медиэвистике XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2002. 24 с.

Е.Ю. Полховская выделила в развитии российской урбанистики четыре этапа: конец XIX — 10-е гг. XX вв., когда происходило зарождение отечественной урбанистики; 1920–1950-е гг., когда формировалась марксистская урбанистика; 1960–1980-е гг.; именно в этот период российская урбанистика вышла за пределы традиционных столичных школ (московской и питерской) и стали складываться урбанистические центры в провинции — в Свердловске (Екатеринбурге), Саратове, Калинин (Твери), Иваново, позднее — в Брянске, со своими лидерами, периодическими изданиями; стали изучаться не только города главных европейских стран (Англии, Франции, Германии, Италии), но и города Балкан, Центральной и Юго-Восточной Европы, Крыма, Кавказа, Скандинавии. Автором отмечается множественность подходов и позиций в рамках марксистской методологии, что особенно проявлялось в серии дискуссий о непрерывности и дисконтинуитете средневекового города, его феодальном или нефеодальном характере и др. Последний этап — 90-е гг. XX в., когда определилась методологическая диверсификация, смена мыслительных парадигм, появились новые сюжеты и аспекты урбанистических исследований.

Медиевистская тематика получила продолжение в кандидатской диссертации Т.Н. Кондратьевой⁶, посвященной дискуссиям об абсолютизме в российской историографии 20-х — 50-х гг. XX в. Исследовательницей на основе изучения архивных фондов академических институтов и университетов прослежены перипетии научного и псевдонаучного противостояния по поводу понимания природы и сути европейского (прежде всего французского) абсолютизма. Автором показано, что историки того времени отдавали «предпочтение общему, генерализирующему

перед особенным, частным, единичным»; они ориентировались на подтверждение Марксовых догм, на объясняющую модель истории, пользовались специфической терминологией («базис», «надстройка», «производительные силы», «производственные отношения», «буржуазия», «дворянство», «эксплуатация», «внеэкономическое принуждение» и т.п.). Определяющими общественное развитие считались факторы экономического порядка, «классовая борьба». С помощью этого обособленного инструментария историками и был создан теоретический конструкт «французский абсолютизм», долгое время считавшийся эталоном для выстраивания прочих моделей европейского абсолютизма, но в действительности очень далекий от реальности Франции XVI–XVII вв.

В области новистики можно отметить кандидатскую диссертацию В.В. Соломатина⁷, посвященную мировоззрению Филиппо-Микеле Буонаротти (1761–1837). Отстаиваемая им идеология представляла собой соединение эгалитаризма и террористических наклонностей робеспьеристов, коммунистических убеждений Бабефа и республиканизма руссоистов; он был убежден, что «подлинное равенство» может быть установлено только в ходе революционного насилия, поскольку собственники никогда не уступят своих прав по своей воле. Ему свойственна была идея «переходного периода», наступающего после революции и продолжающегося вплоть до установления коммунистического общества. Одновременно им была высказана мысль о массовой народной партии, которая призвана руководить революционным движением, разрабатывать революционную теорию. Наконец, Буонаротти, будучи итальянцем по рождению, получивший французское гражданство, долгое время живший на Корсике, родине Наполеона,

⁶ Кондратьева Т.Н. Проблемы французского абсолютизма в отечественной медиевистике 20-х — начала 50-х гг. XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2002. 30 с.

⁷ Соломатин В.В. Формирование и эволюция мировоззрения Филиппо-Микеле Буонаротти накануне и в первые годы Революции. (1777–1797 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2003. 27 с.

стал выразителем идеологии интернационализма, согласно которой революция должна быть осуществлена одновременно во всех ведущих странах Европы.

Византинистская проблематика нашла своего последователя в лице М.С. Деминцева⁸. Им предпринята попытка реконструкции политических воззрений Георга Пахимера (1242 — около 1310), одного из самых известных интеллектуалов раннего Палеологовского Возрождения. Исследователем выявлен глоссарий политической лексики византийского мыслителя конца XIII — начала XIV вв., составлены когнитивные карты политического сознания византийского автора, соматописограммы церковных и светских политических деятелей, характеризовавшихся Пахимером, которые позволили представить иерархию ценностей византийского политика того времени. Согласно наблюдениям исследователя представления Пахимера о государстве строились на понятиях «таксиса», т.е. порядка, «соборности», «омонойи», т.е. единодушия; осью политической системы империи виделась власть василевса, автократора, сравниваемого с Гелиосом; являясь сторонником идеи «симфонии», т.е. согласия церковной и императорской властей, Пахимер развивал мысль о высоких нравственных качествах правителя как условии поступательного развития империи и благополучия ее подданных; истоки сакральной мощи автократора скрывались именно в его христианских добродетелях. Ученым сделана попытка определить политическую идентичность византийского мыслителя: несмотря на определенный аристократизм его умонастроений, презрение к охлосу, наблюдалось обеспокоенное отношение Пахимера к тяготам крестьянства, полюдного населения, стремление к реформированию отдельных, наиболее

негативных сторон византийской политической системы.

Новистское направление презентуется докторской диссертацией С.П. Шилова⁹, посвященной военно-морской политике Германии накануне Первой мировой войны. Автором исследуются контуры идеологии «нового маринизма», законодателем которой стала Германия. На роль главного идеолога выдвинулся гросс-адмирал А. Тирпиц, с именем которого стали связывать наступление «эры Тирпица». Решающим средством реализации политических интересов Германии стал военно-морской флот. Оборонительные идеи военной стратегии Германии уступили место новой доктрине — утверждения господства в мировом морском пространстве. Главным противником объявлялась Великобритания, что позволило наметить сближение с Россией (намечались совместные военно-морские маневры, германско-датско-русское соглашение о нейтральности Балтики и др. акции), хотя этим проектам так и не суждено было осуществиться. Автором характеризуются программа строительства «дредноутов», теории «опасной зоны», «риска», «комплекс Копенгагена», вызванный фобией перед возможностью внезапного английского нападения на недостроенный германский флот, и др. Отмечается перспектива сближения Германии с Россией после Цусимской катастрофы, когда Германия готова была принять участие в быстром восстановлении российского военно-морского потенциала, дабы иметь возможность использовать его против Англии; однако и она оказалась нереализованной: Россия из потенциального союзника все больше превращалась в противника, каждый новый российский корабль, сходящий со стапелей, сокращал шансы морской победы Германии над Великобританией; к 1917 г. Россия могла иметь столько

⁸ Деминцев М.С. Политические воззрения Георга Пахимера: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2004. 20 с.

⁹ Шиллов С.П. Военно-морская политика кайзеровской Германии и Россия (1897–1914 гг.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Тюмень, 2004. 49 с.

дредноутов, что могла блокировать все Северное море; это обстоятельство оказалось одной из причин, ускоривших развязывание Германией Первой мировой войны.

Модернистская сюжетика заявлена в кандидатской диссертации О.Г. Шагаловой¹⁰, посвященной молодежной политике Третьего Рейха. Автором на основе изучения неопубликованных материалов РГВА, содержащих фонды трофейных документов Третьего Рейха, рассматриваются доктрина «тотального воспитания народа», теория формирования «нового типа человека», ее основные категории («высшая раса», «народная общность», «фюрерство», «служба» и др.), система воспитания молодежи, включавшая семью, национал-политические воспитательные учреждения (Наполас), школы Адольфа Гитлера, Гитлерюгенд, Орденсбург. Целью политики было формирование активного, физически развитого, мировоззренчески подготовленного, дисциплинированного молодого человека, способного отстаивать ценности «народного государства». Автором вскрывается тоталитарный характер этой политики с регулярными расовыми и политическими чистками, сегрегацией нечистых и т.п.

Новый импульс медиевистских штудий был придан диссертацией О.А. Поповой¹¹, подвергшей изучению политическую идеологию Ульриха фон Гуттена (1488–1523), известного немецкого гуманиста и реформатора. Автором разработан вокабуляр политической лексики немецкого мысли-

теля, проанализированы ее важнейшие категории. Согласно заключению исследовательницы ключевое понятие Гуттена «империя» оказалось не выражением его проимперской позиции, но тождественным понятию «государство» и даже совместимым со смысловым рядом, задаваемым понятием «республика»; равно и идеи «отечество», «немецкая нация», «Германия», впервые с такой силой озвученные Гуттенем, оказались не проявлением его националистических, пангерманистских, чуть ли не расистских убеждений, но эффективным риторическим приемом политика, рассчитывавшего пробудить в соотечественниках чувство достоинства, гордости за своих предков, свою землю. Исследователем анализируется понятие «фаларизм», введенное Гуттенем для обозначения искусства добиваться власти и удерживать ее, в связи с чем подчеркивается предвосхищение немецким интеллектуалом идеологии монархотамии. Автором оспаривается традиционное суждение о выражении Гуттенем интересов рыцарства и отмечается его приверженность индивидуальной свободе, несовместимой с сословными и корпоративными ограничениями, свободе слова, передвижений, деятельности, совести.

В целом сделанный обзор позволяет говорить о становлении определенных традиций европейских исследований в Тюменском университете и выразить надежду на их дальнейшее расширение.

А.Г. Еманов

¹⁰ Шагалова О.Г. Государственная политика Третьего Рейха в области воспитания и образования немецкой молодежи: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2005. 26 с.

¹¹ Попова О.А. Политическая идеология Ульриха фон Гуттена (1488–1523): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2005. 27 с.